

От «учета, разгрузки, очистки» к праву гражданства: антропология советского паспорта

БАЙБУРИН А. (2017). СОВЕТСКИЙ ПАСПОРТ: ИСТОРИЯ — СТРУКТУРА — ПРАКТИКИ. СПБ.: ИЗД-ВО
ЕУСПБ. 488 с. ISBN 978-5-94380-232-4

Максим Фетисов

Кандидат философских наук, координатор Центра социальной теории
и политической антропологии им. Н. Н. Козловой, философского факультета
Российского государственного гуманитарного университета
Адрес: Миусская площадь, д. 6, ГСП-3, Москва, Российская Федерация 125993
E-mail: msfetisov@gmail.com

6 января 1933 года рабочий типографии «Правда» Степан Филиппович Подлубный запишет в своем дневнике: «Со дня на день ожидаем комиссии по переписи к выдаче паспортов. Если мы пройдем этот период благополучно то еще проживем спокойно, но скорей всего попадем обое. Строгость невероятная, участвует МУР и ГПУ, а с этими не пошутишь. Только чудо может спасти нас»¹. Чуть позже в том же месяце: «Положение людей сейчас. Ежедневная тревога. Скучные и тоскливые разговоры об одном и том же. Един вопрос. Получил паспорт?»

Степану Подлубному было чего опасаться. Будучи членом семьи сосланного кулака-лишенца, он, скрыв свое социальное происхождение, поселился (вдвоем с матерью) в Москве и даже устроился учиться и работать. Однако мирное освоение жизни большого города наталкивается на новые перипетии «судьбы» (Подлубный часто упоминает ее на страницах своего дневника), и у Степана Филипповича есть все основания сомневаться в возможности уцелеть в ее водовороте. В феврале 1933 года он запишет: «Какова ж моя судьба... лазейка очень узкая но в нее надо какими-то способами пролезть. Хотелось бы остаться. Но при такой ихней бдительности вряд ли удастся проскользнуть... Тяжелые работы, ссылка, тюрьма все нипочем. Страшен голод... Кажется все непочем, ничего не боюсь. Только ужас голода с головы не выходит».

Вводимая властями новая режимная география подразумевала не только запрет на пребывание в Москве, но и весьма суровые кары за сокрытие неудобных

© Фетисов М. С., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-3-345-358

1. Цитаты из дневника С. Ф. Подлубного даны по изд.: *Козлова Н. Н. (2005). Советские люди: сцены из истории. М.: Европа. С. 221–225.* Орфография оригинала. Тот же сюжет из дневника Подлубного разбирается в: *Holquist P. (2003). State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // Hoffmann D. (ed.). Stalinism: The Essential Readings. Oxford: Blackwell. P. 128–156.*

фактов персональной истории. Даже если получалось избежать уголовной ответственности, неудача при столкновении с тем, что сам Степан Филиппович неожиданно точно назвал «сортировкой людечисткой новейшей конструкции», означала высылку и фактическое лишение средств к существованию:

По нашему дому... отняли 40 карточек. А факт, что у кого отняли карточки значит из Москвы фить к бабушке. Отбирают у бывших лишенцев, колхозников убежавших из колхозов. Целые сем'и остаются без куска хлеба. Мы к эти не принадлежим и потому у нас не отобрали. Когда ходили по квартирам и отбирать сем'я отдавая карточки устраивала такую сцену что мог выдержать только человек крепкий характером. Ругань мужчины плач ребенка завывание жены. И слезы и невинные слезы сколько прольется вас. Около трехсот тысяч по одному октябрьскому р-ну отобрали карточек... Нежалка лишенцев, спекулянтов, пьяниц, воров но зачто должен страдать честный гражданин, живущий мало в Москве. И жалко детей ониже не винные.

В том же месяце в своем дневнике (который впоследствии станет предметом не одного исследования) Поддубный упоминает о вызванных кампанией паспортизации попытках самоубийства среди своих знакомых и соучеников по ремесленному училищу.

Но на этот раз Степану Филипповичу и его маме удается проскользнуть между жерновов системы, 14 апреля 1933 года он оставляет переполненную эмоциями запись: «Сейчас решается наше существование, наша участь, наша жизнь на будущее. Сейчас идти за паспортом... Руки дрожат от радости. Не могу держать в руках пера. Не могу держать в руках пера. Звонким радостным боем звучит сердце приливая много крови в голову. После целого часа бушующей бури в груди после целого часа мытарств я получил паспорт».

От дневников объятого страхом голодной смерти вчерашнего крестьянина перейдем к воспоминаниям главного редактора журнала «Автопилот» Александра Федорова:

Получить первый паспорт мне очень хотелось раньше положенного срока. А когда подошло время, райисполкомом была придумана какая-то идиотская официальная процедура типа «Посвящения в граждане СССР». Но, во-первых, я уже тогда по горло был сыт конспектами материалов XXVI съезда КПСС, политинформациями и «уроками мужества», а во-вторых, уж очень хотелось поскорее начать ту самую взрослую жизнь, одним из главных символов которой был «Паспорт гражданина СССР». И поэтому за три дня до торжественного вручения я пришел к начальнику паспортного стола, показал удостоверение корреспондента «Московского комсомольца» и соврал, что на церемонии быть не могу, потому что завтра мне надо ехать в командировку. Не говоря ни слова, майор потушил сигарету в пепельнице в форме черепа, сощурился от попавшего в глаза дыма, залез в сейф размером с книжный шкаф, вынул мою книжицу, и... я отправился во взрослую жизнь. Ка-

жется, в тот вечер с одноклассником Андрюхой мы впервые выпили бутылку портвейна на двоих².

Дистанция между двумя этими сценами составляет примерно 50 лет. Воспоминаниям и мемуарам традиционно принято доверять меньше, чем дневниковым записям, однако общий разительный контраст невозможно не заметить. Вместо «начинающего горожанина», чьи дневники, несмотря на их запинаящийся язык, очень доходчиво передают ужас и гнетущую атмосферу одной из сталинских чисток, мы видим юношу свободных профессий («удостоверение корреспондента»), который, пренебрегая ритуальным контекстом очередного советского *rite de passage*, пришел «решить вопрос», довольно, с его точки зрения, формальный, к милицейскому начальнику. Сам начальник, в свою очередь, похож не на «МУР и ГПУ», с которыми «не пошутить», из дневников Подлубного, а скорее на полицейского комиссара из европейского кино («майор потушил сигарету в пепельнице... сощурился от попавшего в глаза дыма, залез в сейф размером с книжный шкаф» и т. п.). Общую кинематографичность сюжета дополняют материальные элементы декадентского шика в обстановке его кабинета («пепельница в форме черепа»). Завершается день выхода «во взрослую жизнь» распитием «бутылки портвейна» с одноклассником. Кажется, будто сам набор деталей и вовлеченных объектов всеми силами старается сообщить нам, что между этими сценами, разделенными не самым значительным по меркам истории временем, нет ничего общего. Это действительно так, кроме двух немаловажных обстоятельств. Первое — место действия, все та же (та ли?) Москва, столица Советского Союза. И второе — это главный объект (и герой) обоих повествований — паспорт гражданина СССР.

Сопоставление этих двух сюжетов нужно здесь не для того, чтобы воспроизвести ставший уже привычным нарратив о постепенной гуманизации советской системы (пусть и не лишенный фактических оснований). Задача другая — обратить наше внимание на тот (практически единственный) предмет, который их объединяет, — на советский паспорт. История советской паспортной системы изучена достаточно подробно. В зависимости от исследовательской позиции ее рассматривали и как средство эмансипации, и как форму «нового крепостничества», однако подробной этнографии паспорта еще не было, поэтому книга профессора антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге Альберта Байбурина «Советский паспорт: история-структура-практики» заслуживает самого пристального внимания. Этнография бюрократии — не самый распространенный и благодарный научный жанр, несмотря на утверждение автора, что «бюрократия, особенно советская, пожалуй, самая ритуализованная сфера культуры» (с. 7). Высказанное не так давно влиятельное мнение объясняет сложности этого жанра тем, что «бумажная волокита» едва ли способна предложить достаточно

2. Цит. по: Байбурина А. (2017). Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Изд-во ЕУСПб. С. 364–365.

интересного материала для создания «насыщенного описания» своих ритуалов³. Книга А. Байбурина, очевидно, идет наперекор этой точке зрения: паспорт является вполне убедительным объектом для антрополога, это носитель множества смыслов и значений, которые возникают в ходе его использования. Особенность антропологического взгляда на любой предмет, в том числе и на неодушевленный вроде паспорта, состоит в том, что ему придается такой же равноценный исследовательский статус, как и «нормальному» человеческому актору: он тоже участвует во взаимодействиях, структурируя окружающую реальность и ее восприятие. Тем не менее важен и общий социально-исторический контекст, в котором возникают паспортные системы. Его подробному описанию посвящена первая часть книги.

В стремлении государств контролировать и регламентировать право своих подданных на передвижение нет ничего нового и вызывающего удивление. Проведение границ и отделение «своих» от «чужих» есть базовая операция, конституирующая политическое сообщество. Интересно, однако, что именно на заре Современности, в Новое время, этот контроль принимает форму *персональной идентификации* — специфической процедуры, соединяющей в себе конкретные ограничительно-дисциплинарные техники с абстрактным представлением о человеческом индивиде как носителе и обладателе (и даже собственнике) уникальной совокупности черт и характеристик⁴. Постепенно складывается система национальных государств как конечная совокупность территорий, защищенных постоянными границами. В это время помимо известного по классическим формулировкам абсолютного права суверена, основанного на монопольной экспроприации права на насилие в рамках определённой территории, на первый план все более выходит второй лик политической власти: управление, основанное на понятии «государственного интереса»⁵. «Государственный интерес» подразумевает набор техник (экономических, статистических полицейских, санитарных, демографических и т. п.), позволяющих наиболее «разумным» образом концентрировать и перераспределять ресурсы, обеспечивающие максимальный прирост благосостояния и безопасность населения вверенной государству территории. Излишне говорить, что такая рационализация отправлений власти требует создания бюрократии, чьей функцией становится производство абстрактного доверия: к писаному праву, к налоговым и таможенным системам, а также к *документам*, символическим объектам, право на выпуск и интерпретацию которых является базисом действий любого чиновничества. Поэтому совершенно не случайно, что стремление регламентировать право на передвижение, встретившись с представлением об индивиде как подданном-обладателе собственной персональной иден-

3. Гребер Д. (2016). Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии / Пер. с англ. А. Л. Дунаева. М.: Ад Маргинем. С. 48–50.

4. Классический анализ этих представлений см.: Macpherson C. B. (1962). *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke*. Oxford: Oxford University Press.

5. Про это см. в лекциях Фуко: Фуко М. (2011). *Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/1978 учебном году* / Пер. с фр. Н. В. Сулова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука.

тичности, нашло свое *материальное и символическое воплощение* в изобретении такого документа, как паспорт⁶. В этом смысле он является уникальным объектом, сочетающим материальность, абстрактные представления и функции важного символического посредника в коммуникации между индивидом и властью. Как справедливо замечает сам автор, в «паспорте сошлись предметность, символическость и ритуализованные практики» (с. 7).

Первоначально Россия в отношении паспортного регулирования не слишком отличается от большинства европейских монархий: начиная с Петра, паспорт — это в первую очередь фиксация права на выезд за пределы государства, но уже тогда, по конскрипционным и фискальным соображениям, его начинают использовать, чтобы регулировать передвижение подданных внутри империи: «Введение паспортов — один из шагов Петра к созданию бюрократии европейского типа — новой технологии управления» (с. 46). Весьма показательно, что Петр параллельно создает соответствующий контрольно-надзорный орган — полицию, которая следит за соблюдением паспортного режима⁷. Определяющую роль в обладании пропускными документами играет сословная принадлежность: внутренний паспорт в первую очередь есть атрибут низших, зависимых сословий (с. 44–45). Тем не менее охват подданных имперской паспортной системой весьма далек от тотального. Так, согласно «Положению о видах на жительство» от 1894 года, паспорт требуется только при длительной отлучке с постоянного места жительства: более чем на 50 верст и дольше чем на 6 месяцев (с. 61). Ограничения на перемещение затрагивали только евреев, цыган, судимых, лиц, находившихся под надзором полиции, и неплательщиков податей (с. 62). Бурное экономическое развитие империи приводит к тому, что непосредственно перед революцией старые сословные паспорта (либо документы, их заменявшие) уже перестают адекватно отражать стремительно изменяющуюся структуру общества.

Сразу после прихода к власти большевики Декретом ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 года производят полный демонтаж имперской паспортной системы. Собственно паспорта остаются только для регулирования выезда за границу. Потребности внутренней идентификации в годы военного коммунизма начинают обслуживаться целым семейством документов (трудовыми книжками, удостоверениями личности и мандатами), в числе которых были, например, такие экзотические, как «Трудовая книжка для

6. Про историю паспортов в Западной Европе и США см.: *Torpey J.* (2000). *The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship and the State.* Cambridge: Cambridge University Press.

7. Об исторической эволюции понятий «полиция» и «полицейское государство», в особенности применительно к России и СССР, см. статьи А. Ф. Филиппова, в частности: *Филиппов А. Ф.* (2012). *Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии. Статья первая // Отечественные записки.* № 2. С. 328–340; *Филиппов А. Ф.* (2013). *Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение.* № 5. С. 48–63, а также О. В. Кильдюшова: *Кильдюшов О. В.* (2013). *Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение.* Т. 12. № 3. С. 9–40; *Кильдюшов О. В.* (2014). *Мишель Фуко как исследователь полицейского государства: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение.* Т. 13. № 3. С. 9–32.

нетрудящегося» (с. 73). Этот «паспорт наоборот» регулировал трудовую повинность для бывших «эксплуататорских классов», без отбывания которой их представители фактически лишались средств к существованию. Однако идея введения всеобщих трудовых книжек, совмещенных с удостоверением личности, не была реализована в условиях Гражданской войны, вызвавшей перемещение огромных человеческих масс, с тех пор задачи персональной идентификации и трудового учета начинают решаться порознь (с. 78)⁸. Конец военного коммунизма принес с собой изменение режимов контроля над персональными данными. Новая экономическая политика вполне справлялась с регулированием потоков населения, не прибегая к дополнительным принудительным мерам по их идентификации. Декрет ВЦИК и СНК от 10 июля 1923 года ввел удостоверение личности единого образца, однако получение его было правом, а не обязанностью гражданина, первая статья этого же Декрета провозглашала полную свободу передвижения и строгий запрет на установление каких-либо ограничений (с. 84-85). Режим идентификации и передвижения, установленный большевиками в 1923–1928 годах, оказался даже либеральнее предреволюционного: паспорт был необходим только при выезде за границу — именно про этот паспорт написал свое стихотворение В. Маяковский, — с паспортной же системой внутри страны было покончено (с. 90).

Все меняется с концом НЭПа и началом «Великого перелома»: конфискационная земельная реформа вызывает перемещение огромных человеческих масс и ставит под удар снабжение населения городов продовольствием, которое к тому моменту успело вернуться к распределительной модели (с. 92). Даже параллельно разворачивающаяся массивированная индустриализация, которая, как принято считать, должна требовать в качестве одного из своих условий свободное перемещение рабочей силы, оказывается неспособна справиться с хлынувшими в города людскими потоками. Попытка насильственного укрупнения и перевода сельскохозяйственного производства на плановые рельсы парадоксальным образом ставит под угрозу саму возможность рационально организованной индустриальной модернизации. Противодействие урбанизационному шоку, спровоцированному самими властями, требует чрезвычайных мер. Нужно было «предотвратить неконтролируемое перемещение по стране огромных масс сельского населения» (с. 102). Решение проблемы находят в возвращении внутренних паспортов. Перед новой паспортной системой Постановлением ЦИК и СНК СССР № 57/1917 от 27 декабря 1932 года ставится тройная задача (с. 96):

Учет — предотвращение оттока квалифицированной рабочей силы с предприятий, формирование городского населения как источника трудовых ресурсов.

Разгрузка — удаление из городов тех, кто не связан с производительным трудом, занимая жилье и обременяя городские системы продовольственного снабжения, медицинского обслуживания и образования.

8. Тем не менее отметки о месте учебы/работы сохраняются в паспортах вплоть до реформы 1974 года.

Очистка — выявление «кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов», т. е. паспорт должен *выявить* тех, чья классовая сущность не совпадает с желаемыми характеристиками нового городского населения.

Базовым эпистемологическим критерием нового паспортного режима, позволяющим отделить «чистых» от «нечистых», выступает понятие «социальное положение» — оно становится графой в новом паспорте и остается там вплоть до последней советской паспортной реформы 1974 года. Как указывает автор, главными героями первой разработанной ОГПУ «Инструкции о выдаче и прописке паспортов...» оказались те, кому нужно было в выдаче паспортов отказать (с. 104). Сугубо *полицейская* мера, нацеленная на учет населения и контроль его передвижений, опиралась на чисто *политическое* решение, которым в очередной раз были проведены границы между «своими» и «чужими». Паспорт из атрибута низших и зависимых сословий был превращен в привилегию, в механизм выявления «подлинного социального лица его владельца», производящий лояльность (с. 98)⁹. Эта новая лояльность имела свое географическое измерение: территория страны была поделена на режимные зоны (крупные города и промышленные центры, пограничные территории, курорты союзного значения и т. п.), где возможности *прописки* — советского биополитического маркера, увязывавшего возможности расселения с предельными санитарными нормами жилой площади, — были принудительно ограничены. Таким образом, введение паспортов завершилось установлением новой режимной географии, определявшей модальности доступа разных категорий человеческих индивидов к гражданским правам и материальным ресурсам (с. 103–104, 136–144). В отличие от логики «нормального» национального государства — а в большинстве стран Европы и в США ограничения на свободу передвижения на момент начала паспортизации в СССР давно отменены, — которая строится на максимальной гомогенизации внутреннего *пространства* и где классовые различия и социальное происхождение этому пространству подчинены, в раннесоветском политическом воображаемом территория вторична по отношению к задачам классовой войны, разворачивающейся в первую очередь во *времени*. И если надо подчинить ее требованиям пространство, разделив его внутренними границам, установив географию в соответствии с *требованиями времени*, то это будет сделано. Куда важнее установить власть над самим временем: это позволит решить все проблемы с пространством¹⁰.

9. Об эпидемии индивидуации, основанной на понятиях «выявления» и «проявления» своего «классового лица», «себя», «своей личности» и т. п., охватившей советское общество в начале 1930-х годов и нашедшей свое отражение в психолого-педагогической и партийной литературе этого времени см.: Хархордин О. В. (2016). Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во ЕУСПб. С. 201–290.

10. Вожди большевиков в буквальном смысле одержимы временем. В 1931 году в речи «О задачах хозяйственников...» Сталин говорит: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Вопросы ускорения, о том, как заставить бежать время вперед, будут до самого конца доминировать в советском политическом воображаемом. Более подробно о различии между двумя типами политического воображае-

Не до конца понятно, и автор тоже задается этим вопросом, почему был выбран именно этот способ: ведь большевики могли прибегнуть и к более привычным, куда более жестким и необычным способам решения проблемы избыточных городских популяций (с. 94). Выбор, однако, был сделан в пользу паспортизации — полицейской технологии, которая, несмотря на необычные обстоятельства своего внедрения, самой логикой своего развития должна была привести к установлению некоего, пусть жестокого, но нормального состояния¹¹. Тем не менее вопрос, который можно назвать «вопросом Фуко», о том, что за политическая рациональность управляла этими действиями, остается открытым. Вероятно, стоит обратить внимание на раннесоветскую траекторию понятия «население», которое в начале 1930-х годов переходит из текстов советских архитекторов и городских планировщиков в язык советских полицейских документов (с. 158). Примечательно, что в отличие от либеральных управленческих стратегий, рассматривающих население как некую естественно развивающуюся величину, чьему внутреннему событийному ряду (рождаемость, смертность, уровни заболеваемости, потребности и уровни спроса, паттерны миграции и т. п.) нужно следовать при помощи статистических инструментов, советское «население» ближе к тому суверенно-дисциплинарному его пониманию, о котором говорил Фуко в своих лекциях об абсолютизме и меркантилизме¹². В СССР 1930-х годов население — это в первую очередь источник производительных сил и переменная величина, которой суждено стать предметом активного воздействия внешних сил, объектом, который нужно сформировать и рационально распределить в соответствии с потребностями текущего этапа развития. Но советский «государственный интерес» имел и важные отличия: никакая суверенная власть, сколь угодно могущественная и тотальная, никогда не смогла бы самостоятельно решить проблему фильтрации столь значительных масс населения в столь ограниченные сроки без частичной передачи функций *учета, разгрузки и очистки* самим массам. Паспортная комиссия, модель последующих чисток, была включена в широкие горизонтальные сети взаимной дисциплины (с. 109–111). Именно этот распределенный взаимный надзор позволяет объяснить поразительную устойчивость советской системы, достигшей в 1930-е годы пика своей репрессивности¹³. В 1930–1950-е годы паспортная система подвергается постоянным флуктуациям, власти постоянно пытаются перенастроить ее на максимальный охват населения, которое пассивно сопротивляется

мого см.: *Buck-Morss S. (2000). Dreamworld and Catastrophe: The Passing of Mass Utopia in East and West. Cambridge: MIT Press. P. 22–32.*

11. О паспортизации как полицейской технологии см.: *Хоффман Д. (2017). Возращение масс: содерное государство и советский социализм. 1914–1939 / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение.*

12. См. об этом: *Collier S. (2011) Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. New Jersey: Princeton University Press. P. 77–79.* Про абсолютизм и меркантилизм см.: *Фуко. Безопасность, территория, население. С. 86–131.*

13. О важности горизонтальных низовых практик взаимного надзора в довоенном советском обществе см.: *Хархордин. Обличать и лицемерить. С. 122–132.*

и стремится ускользнуть из жерновов системы. В 1935–1936 годы происходит первый обмен паспортов (в том числе из-за большого числа подделок), в 1937 году вводится обязательное фотографирование на паспорт, таким образом, идентификация приобретает уже визуальное измерение, в 1940 году происходит уже третий обмен паспортов. Последнее положение о паспортах выходит уже в 1953 году. К началу 1950-х годов режимно-географическая стратификация достигает своей наивысшей точки и превращается в настолько серьезный тормоз экономического развития, что уже в 1949 году Л. Берия предлагает проект нового Положения о паспортной системе, призванного облегчить свободу передвижения (с. 142–144, 171). Проект не прошел, что совсем не означало устранения тех проблем, которые он был призван решить. Структурное давление, которое начинают оказывать на паспортную систему серьезные экономические и социально-демографические дисбалансы, накапливающиеся в советском народном хозяйстве к началу 1960-х годов, ведет к бесконечному увеличению числа обходных маневров, направленных на смягчение паспортных ограничений¹⁴. Бесчисленные лимиты и оргнаборы представляют собой яркий пример множества подобных исключений из драконовских паспортных правил, которые уже не могут остановить миграцию населения из сельской местности и небольших городов (с. 172). Советский урбанистический переход, несмотря на все препятствия, становится свершившимся фактом. Параллельно происходит развитие советского конституционного процесса: в 1961 году XXII съезд КПСС отменяет «диктатуру пролетариата» и берет курс на построение «общенародного государства», чье законодательное закрепление провозглашает в 1977 году последняя советская конституция. Незадолго до этого, в 1974 году, происходит давно запаздывающая паспортная реформа, вводящая в оборот последнюю версию советского паспорта. Она половинчатая: несмотря на то что паспорт теперь становится общеобязательным документом, сохраняющаяся процедура разрешительной прописки продолжает ограничивать свободу передвижения. Уже на самом закате эпохи, когда в городах вновь обострились проблемы, в свое время вызвавшие к жизни советский внутренний паспорт, систематическое распространение получили попытки вновь вернуть этому документу его исходную функцию допуска населения к дефицитным ресурсам. Однако это были другие города с другими людьми, и возврат к ранним советским принципам распределения успехом не увенчался, а вскоре перестала существовать и сама советская паспортная система. Впрочем, завершение ее более чем полувековой истории вовсе не означает, что долгосрочными последствиями ее существования стоило бы пренебречь. Ведь паспорт не только идентифицировал, классифицировал, упорядочивал и делил, но и сам стал мощным средством производства и натурализации категорий, с чьей помощью агенты воспринимали и усваивали социальную реальность¹⁵.

14. Краткий обзор этих дисбалансов см.: *Левин М.* (2008). Советский век / Пер. с англ. В Новикова, Н. Копелянской. М.: Европа. С. 335–351.

15. О массовой натурализации социально-классовых категорий самими участниками сталинской модернизации см.: *Козлова.* Советские люди; *Хелльбек Й.* (2017). Революция от первого лица: дневники

Функционированию паспорта как управленческого документа посвящена вторая часть книги «Паспорт как бюрократический конструкт». Автор последовательно, буквально по графам разбирает, как был *сделан* бланк паспорта и как менялось его внутреннее устройство. Так, например, последовательность написания графы «ФИО», без которой практически невозможно представить нашу сегодняшнюю жизнь, стала таковой именно в результате введения паспортов, когда значительная часть населения бывшей Российской империи вообще впервые обрела персональные фамильные имена. Автор связывает появление нового порядка записи персональных данных с ранней советской традицией составления различных списков, когда потребности в установлении личности сделали необходимым перенос идентификационного акцента с имени на фамилию (с. 209). Отдельный интерес представляет история паспортной визуальной идентификации. Никаких особых требований к этой процедуре (к изготовлению паспортной фотографии), кроме самых формальных, оказывается, не существовало. Более того, на первых порах даже допускались определенные компромиссы с «национальными особенностями» и вероисповеданием, в частности, разрешалось фотографирование в головных уборах. «Характер прически, выражение лица, направление взгляда, цвет одежды и прочие детали никак не регламентировались» (с. 266).

Для нас особенно важна, конечно же, историческая траектория двух граф: «социального положения» и «национальности». Особое значение этих двух пунктов определялось их значительным перформативным потенциалом. Генеалогию советского паспорта автор ведет от соответствующих дореволюционных документов, указывая, что классификация по сословной принадлежности в редакциях советских паспортов до 1974 года была заменена «социальным положением», а деление подданных по вероисповеданию — на знаменитую графу «национальность» (с. 236, 290). Представляется, что в этом случае стоит говорить не столько о прямых заимствованиях, сколько о корреляциях и соответствиях. Как и царская Россия, СССР был имперским образованием и поэтому также нуждался в сколько-нибудь четких различительных критериях для управления разнородным населением своих обширных пространств¹⁶. Весьма примечательно, насколько по-разному сложилась судьба этих двух важнейших составляющих советской популяционной таксономии. «Социальное положение», бывшее в ранних версиях советских паспортов наводящим ужас инструментом социального исключения, маркировавшим доступ к гражданским правам и дефицитным ресурсам, после окончания Второй мировой войны начинает отходить на второй план, нейтрализуется и полностью исчезает в 1974 году из последней версии советского паспорта (с. 248). Можно сказать, что по мере того, как конституционная история СССР эволюционировала от

сталинской эпохи / Пер. с англ. С. Чачко. М.: Новое литературное обозрение. О «расиализации» и биологизации политического социалистическими учениями и режимами говорит в своих лекциях и М. Фуко. См.: Фуко М. (2005). Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975/1976 учебном году / Пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб.: Наука. С. 275–276.

16. Об СССР как империи см.: Филиппов. Советская социология как полицейская наука.

диктатуры пролетариата к «общенародному государству», значение «социального положения» также утрачивало свою силу. Может быть, при каком-то ином стечении обстоятельств, по мере складывания «новой исторической общности, советского народа», та же участь ждала бы и графу «национальность», но истории было угодно распорядиться иначе. На протяжении всей истории своего существования паспортная национальность играла различные роли. В 1930–1950-е годы она успела побывать стигмой, означавшей исключение и репрессии, а в 1970–1990-е смогла приобрести достоинства «эмиграционного капитала», открывавшего двери на вполне реальный, а не «воображаемый Запад». В конце СССР и после него она не только стала одним из элементов новых государственных границ, но и топливом войн и конфликтов. Где-то они еще тлеют, а где-то уже вспыхнули новые. Так пункт из документа стал мощным инструментом конструирования идентичностей, надолго переживших изначальный контекст своего возникновения, и чья история, несмотря на то что в большинстве постсоветских паспортов указаний на национальную принадлежность уже не осталось, еще очень далека от своего завершения. Сам автор вполне справедливо указывает, что теме «паспортной национальности», в особенности тому, как происходила паспортизация на национальных окраинах, им уделено недостаточно внимания, и последняя заслуживает отдельного большого исследования (с. 36)¹⁷.

Встречу и взаимодействие человеческого индивида с паспортом описывает третья, самая «этнографическая» часть книги, «Паспортные практики в документах и воспоминаниях». Еще в самом начале книги автор совершенно справедливо

17. К примеру, данные первой Всесоюзной переписи населения 1926 года (т. 14, Москва, 1929) по ССР Абхазии показывают в границах с Грузинской ССР Гальском уезде 25,9% населения, идентифицирующего себя как абхазов. Однако данные следующей переписи 1939 года дают уже всего лишь 3,6% абхазского населения района. Как возможно такое резкое изменение этнической номенклатуры за 13 лет? Отчасти его можно объяснить произошедшей в 1930 году административно-территориальной реформой, после которой уезды республики стали районами, их границы были изменены, и часть абхазских сел Гальского района перешла в соседний Очамчирский. Но темпы сокращения абхазского населения первого не совпадают с темпами его прироста во втором. Можно также вспомнить и об усиленно работавшей специальной программе переселения грузин из преимущественно западных областей Грузинской ССР в Абхазию, ведь действие этой программы не прекращалось даже в военные годы. Однако Гальский район, единственный из всех, не показал практически никакого прироста населения с 1926 по 1939 г. Детективная история немного проясняется на фоне сохранившихся воспоминаний представителей старших поколений о прошедших в районе двух кампаниях (в 1935 и 1939 гг.) по принудительной выдаче паспортов с «нужной» национальностью. Современный абхазский паспорт относится к числу немногих, где графа «национальность» сохранена, что отчасти объясняется стремлением нынешних властей республики хотя бы частично восстановить этнический баланс в приграничных с Грузией районах. Примечательно также очень заметное по материалам двух переписей различие в подходах к собственно грузинскому населению республики. В материалах 1926 года статистика по грузинам дается с разбивкой на собственно грузин и субэтноты — мегрелов, составляющих большинство грузинского населения Абхазии, лазов и сванов, — все они достаточно серьезно отличаются в этнолингвистическом отношении. К моменту паспортизации эти номинации уже оказываются недостойны записи в качестве «паспортных национальностей», что и фиксируется материалами переписи 1939 года. Параллельно в это же время происходит сворачивание попыток создания письменности и введения школьного обучения на этих языках. Вне всякого сомнения, пристальное изучение паспортизации национальных окраин откроет еще немало число подобных детективных сюжетов.

указывает, «что функционирование советской паспортной системы определялось не только официальными правилами. Не меньшее значение имело то, как эти правила осмыслились и усваивались, в каких практиках они закреплялись. Кроме того, в разных группах и сообществах вырабатывались свои схемы интерпретации официальных требований» (с. 33). Автор замечает, что советское паспортное регулирование опиралось на два правовых контура: публичный, чья база (законы и локальные нормативные и распорядительные акты) была открытой и общедоступной, и закрытый, состоявший из актов и ведомственных инструкций под грифами «секретно» и «для служебного пользования». Именно этими закрытыми документами преимущественно руководствовались в своих действиях сотрудники органов внутренних дел и работники паспортных столов. Стоит ли говорить, что в этом закрытом контуре зачастую действовали не только секретные документы, но и уже абсолютно внеправовые произвол и насилие¹⁸. Это «слепое пятно» власти, где были переплетены тайны, насилие и произвол, и которое вместе с публичным паспортным правом составляло то, что автор называет «правом-1», вызвало к жизни так называемое «право-2», область стихийных интерпретаций «права-1» самими гражданами (с. 34–35). Именно это второе право стало территорией возникновения и распространения неформальных паспортных практик (с. 280). Стихийному «регулированию снизу» подверглись выдача и получение паспорта, запись социального положения, запись имени и фамилии, определение национальности и прочие паспортные процедуры. Однако чемпионами такой «народной кодификации» стали наименее формализованные из них — фотографирование и подпись (с. 315–337). Эта территория практик на протяжении всей истории существования советского паспорта не была неизменной, она постепенно двигалась от пассивного сопротивления откровенно репрессивным технологиям государственной идентификации при помощи различных техник ускользания и прямого обмана к рутинным бюрократическим процедурам и торжественным ритуалам обретения гражданства в эпоху позднего социализма. Связи и знакомства, «блат», переписывание биографий, указание «правильной» национальности, потеря паспортов с ненужными отметками и бегство с режимных территорий на стройки народного хозяйства, где потребность в рабочих руках вынуждала закрывать глаза на прошлое вновь прибывающего «контингента» и давала шанс «начать жизнь с чистого листа». Откровенная подделка документов и подкуп работников паспортных служб, конечно, никогда не исчезнут полностью, но будут постепенно вытесняться сменой имени/фамилии по соображениям престижа или благозвучия, поступлением в учебное заведение или вербовкой по лимиту (как способом покинуть колхоз), фиктивным браком (чтобы получить вождеденную столичную прописку), а в отдельных случаях и вообще отказом от получения паспорта по ре-

18. Подробнее об этой «дикой» зоне власти, фактически никем не контролируемом отпечатке чрезвычайного положения как родовом пятне всех массовых демократий, и либеральных и социалистических, см.: *Buck-Morss. Dreamworld and Catastrophe*. P. 2–11.

лигиозным соображениям¹⁹. По мере того как после смерти Сталина происходило то, что А. Юрчак назвал «гипернормализацией» советского «авторитетного языка», получение паспорта стало превращаться из полицейской процедуры отсева и социальной фильтрации в ритуал обретения новой общегражданской идентичности (с. 348–366)²⁰. То, что начиналось как практика *исключения* с какими угодно последствиями вплоть до прямого физического уничтожения, теперь превращается в еще один «обряд перехода», призванный *включить* нового участника советского проекта в символические рамки «новой исторической общности». Попытки изобрести и установить новую гражданскую обрядность указывают не только на изменение воспринимаемого статуса паспорта, установление «новой нормальности» и забвение чрезвычайного контекста возникновения паспортной системы. Они также говорят об истощении семантической ресурсной базы морально-политической мотивации в позднем советском обществе.

Область столкновения человеческих индивидов с системой государственной идентификации была пространством игры со своим набором постоянно меняющихся практических правил (формальных и не очень). Итоговые социальные и политические последствия этой встречи оказались совершенно неожиданными. Сконструированная государством «паспортная личность», преломляясь в пространстве практик ее использования и входя в конstellляцию с целой совокупностью дополнительных факторов, породила очень своеобразного «советского субъекта», который в какой-то момент просто отказался играть по давно знакомым и привычным для него правилам в игру под названием «советское общество»²¹.

Из укромных закутков советских квартир, откуда он извлекался не очень часто, по особым случаям, паспорт перекочевал в портфели, сумки и карманы, превратившись в *identity card* для повседневного использования, и, как может показаться, занял в нашей жизни куда более значительное место. Однако сегодня, когда в игру персональной идентификации включаются «большие данные», «цифровые следы», биометрия, баллы «социального рейтинга» и прочие атрибуты *surveillance capitalism*, судьба паспорта уже не кажется столь безоблачной и самоочевидной. Как знать, может быть, скоро мы будем взирать на историю странной книжицы с гербами, печатями и подписями, что досталась нам в наследство от эпохи «ор-

19. Автор собрал в книге богатейший фактический материал, демонстрирующий множество модусов взаимодействия индивида с паспортом. Красочные примеры как элитной, так и низовой «паспортной коррупции» можно обнаружить также в: Фицпатрик Ш. (2008). Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы. Город / Пер. с англ. Л. Пантиной. М.: РОССПЭН.

20. Юрчак А. В. (2014). Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.

21. Интересно сопоставить историю производства советской «паспортной личности» с другими дополнительными режимами индивидуации и субъективации в СССР, с одержимостью «личностью» во всех ее проявлениях в работах советских психологов и педагогов, а также с появлением в СССР новых «наук об обществе», например социологии. О различных модусах советской субъективации см.: Пинский А. (ред.). (2018). После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985). СПб.: Изд-во ЕУСПб. О появлении социологии в СССР см.: Левин. Советский век. С. 503–517; Филиппов. Советская социология как полицейская наука.

ганизованного модерна», этого времени фабрик, колхозов, всеобщей дисциплины и всеобщей же занятости, с ностальгией и недоумением.

From “Recording, Unloading, Purging” to the Right of Citizenship: Anthropology of the Soviet Passport

Maxim Fetisov

Candidate of Philosophical Sciences, Natalia Kozlova Center for Social Theory and Political Anthropology,

Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities

Address: Miusskaya sq., 6, GSP-3, Moscow, Russian Federation 125993

E-mail: msfetisov@gmail.com

Book Review: Albert Baiburin, *Sovetskij pasport: istorija — struktura — praktiki* [The Soviet Passport: History — Structure — Practices] (Saint Petersburg: EUSP, 2017) (In Russian).